

НАУЧНЫЙ И ИНФОРМАЦИОННО-АНАЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ ТОМ 12, № 1, 2022

АРКТИКА

ЭКОЛОГИЯ И ЭКОНОМИКА

ISSN 2223-4594

Федеральное
государственное бюджетное
учреждение науки
**Институт проблем
безопасного развития
атомной энергетики
Российской академии наук**

- ▶ От редакции
- ▶ Экономика и управление народным хозяйством Арктической зоны
- ▶ Экология
- ▶ Научные исследования в Арктике
- ▶ Изучение и освоение природных ресурсов Арктики
- ▶ Кораблестроение для Арктики
- ▶ Государственное управление в Арктике
- ▶ Проблемы Северного морского пути
- ▶ Проблемы регионов

ВЫЗОВЫ И ПРОТИВОРЕЧИЯ В РАЗВИТИИ СЕВЕРА И АРКТИКИ: ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

В. В. Фаузер, А. В. Смирнов, Т. С. Лыткина, Г. Н. Фаузер

Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера ФИЦ Коми научный центр Уральского отделения РАН (Сыктывкар, Республика Коми, Российская Федерация)

Статья поступила в редакцию 18 августа 2021 г.

Север и Арктика не одно столетие находятся в фокусе внимания российского государства. Им уделялось особое внимание, предоставлялись социально-экономические преференции. Север России имел стратегию развития, единую законодательную базу, Арктика в его составе рассматривалась как транспортная артерия и защитные рубежи страны. Ситуация изменилась после выделения из состава Севера арктических территорий. С 2014 г. большинство стратегических документов касались Арктики и в меньшей мере северных территорий. Между регионами создавалась искусственная конкуренция за доступ к материальным, финансовым и человеческим ресурсам. Выдвигается гипотеза, что территории Севера и Арктики будут иметь разную динамику демографического развития.

Ключевые слова: Север России, Арктика, вектор развития, стратегии, конфликт интересов, преференции.

Введение

Для экономики России Север и Арктика являлись и будут являться основными поставщиками углеводородного и минерального сырья, металлов для «зеленых» технологий, биологических ресурсов. Экономический интерес государства к развитию северных и арктических территорий способствовал установлению социально-экономических преференций для привлекаемого населения, при этом интересы коренного и старожильческого населения зачастую игнорировались, что порождало конфликт интересов в получении льгот и гарантий. В то же время в сознании другой части населения страны возник вопрос о справедливости распределения государственных преференций в пользу северян. Оставались нерешенными вопросы перспектив социально-экономического развития северных территорий при истощении природных ресурсов и закрытии предприятий, в том числе проблема занятости высвобождаемой рабочей силы. Разногласия в инте-

ресах различных экономических субъектов в советские годы замалчивались. Обособление российского Севера и Арктики носило неявный характер. По умолчанию, когда речь шла о Севере, поднимались вопросы социальной политики, трудового права и экономического развития, в то время как вопросы обороны, морской деятельности и международного экологического сотрудничества относились к Арктике. В этой схеме Арктика как бы «вырастала» из Севера [1, с. 4, 21].

Новые вызовы в развитии Севера России возникли с «появлением» российской Арктики, которая по ряду причин из глобальной периферии превратилась в глобальный фронт. Придать новый импульс развитию Арктики государство вынуждено было под действием факторов как внутренней, так и внешней среды. Внутренние факторы — это исчерпание природных ресурсов в прилегающих к Арктике северных территориях, внешние — повышенный интерес мировых держав к арктическим территориям с их колоссальными запасами углеводородов. Среди ученых растут опасения по поводу передела рынка углево-

дородов и полезных ископаемых, а также масштабов поглощения российских компаний международными корпорациями [2, с. 290]. Наконец, существуют опасения, что северные территории, не вошедшие в Арктику, останутся без внимания и протекционизма государства [3, с. 126], а с учетом современной налоговой политики эти территории могут лишиться возможности социально-экономического развития.

Предлагаемое исследование выстраивается на противостоянии, обусловленном снижением интереса государства к Северу России как к единому экономическому пространству и повышенным вниманием к Арктике. Начиная с 2014 г. почти все программы развития и нормативно-правовые документы касались Арктической зоны Российской Федерации (АЗРФ). Каким образом современная государственная политика поддержки Арктики является источником конфликтов различного уровня и определяет демографический вектор развития Севера России в целом — основной исследовательский вопрос данной работы. В качестве объекта исследования рассмотрены северные и арктические регионы России. Выдвинута гипотеза, что арктические территории из-за установленных для них особых преференций будут иметь лучшую динамику по основным демографическим показателям. Для ее проверки очертим теоретические рамки исследования, обозначим содержательную сторону конфликтов, связанных с освоением российского Севера, а затем проведем сравнительный анализ демографических процессов на Севере и в Арктике России.

Теория и методология исследования

Конфликт интересов при распределении благ в процессе развития мировой цивилизации — явление не новое. В глобальном масштабе мы имеем противостояние «Север-Юг» [4, с. 47]. Отмечается, «что страны и регионы, расположенные севернее, рассматриваются как более экономически, социально, технологически и инновационно развитые» [5, с. 106]. Такой подход к странам Севера позволяет южанам предъявлять претензии к северянам и требовать от них «дележа» ресурсов взамен на свою лояльность. Противостояние «Север-Юг» имело место и в прежней России. Север с его суровым климатом и удаленностью от центральных районов страны всегда считался проблемной территорией [6, с. 49, 53]. В то же время именно он является основным поставщиком необходимых ресурсов для экономики страны. Все годы с Севера России брали больше, чем отдавали ему.

Современному конфликту интересов Севера и Арктики предшествовали организационно-правовые мероприятия, проводимые государством. В 1932 г. из отдаленных территорий был выделен «Крайний Север», в 1945 г. — «местности, приравненные к Крайнему Северу» [7, с. 18—31]. Сегодня административно Север России включает 13 регионов, территории которых полностью относятся к районам Крайнего Севера и приравненным к ним

местностям, и 11 регионов, территории которых частично относятся к районам Крайнего Севера и приравненным к ним местностям. Девять северных регионов в своем составе имеют арктическую часть (рис. 1).

Природа конфликта интересов обусловлена тем, что одним территориям или категориям населения предоставлялись особые преференции, интересы других игнорировались. Первый документ по предоставлению преференций «Положение об особых преимуществах гражданской службы в отдаленных местностях, а также в губерниях Западных и Царства Польского» (1812 г.)¹ заложил конфликт интересов: коренное и старожильческое население «исключалось» из поля предоставляемых преференций, противопоставлялось пришлому/приезжему населению [8, с. 31]. Конфликт интересов содержал и «Устав об управлении инородцев» (1822 г.)². Этот документ, несмотря на прогрессивность, ограничивал свободу передвижения инородцев, занятия определенными видами деятельности. Большинство его статей заканчивалось словами «как с позволения Гражданских Губернаторов или областных Начальников». Конфликт интересов возникал и при колонизации Севера и Сибири, поскольку «при заселении территорий, где проживает коренное население, возникает необходимость примирить противоположные интересы и вести земельную политику так, чтобы не обидеть ни тех, кто хочет сохранить свою землю, ни тех, кто хочет ее приобрести» [9, с. 5, 6, 10].

В особом ряду стоят конфликты интересов между коренными малочисленными народами Севера (КМНС) и ресурсными компаниями. Этот вид конфликта связан с тем, что «потенциальной угрозой может стать нарастание противоречий между новопоселенческим и старожильческим населением, прежде всего коренными малочисленными народами по параметрам: город (место концентрации иммигрантов) — село (территории преимущественного проживания коренных малочисленных народов); между необходимостью промышленного освоения Арктики и потребностью сохранения традиционного уклада жизни КМНС, эффективность которого напрямую связана с экологической обстановкой, природной средой обитания, обеспечением их прав на законодательном уровне» [10]. Сложилось так, что традиционный образ жизни КМНС привязан к определенным территориям для выпаса оленей, охоты, рыбной ловли. Но зачастую именно эти территории оказываются богатыми нефтью и газом [11].

¹ Положение об особых преимуществах гражданской службы в отдаленных местностях, а также в губерниях Западных и Царства Польского // Свод законов Российской империи [в 16 т.]. — Т. 3 / Под ред. И. Д. Мордухай-Болтовского. — СПб.: Рус. Кн. Товарищество «Деятель», 1912. — С. 330—343.

² Устав об управлении инородцев от 22 июля 1822 года // Полное собрание законов Российской империи с 1649 г. — Т. 38. — № 29126. — С. 394—416.

Рис. 1. Районирование российского Севера и Арктики. Составлено по постановлению Правительства РФ от 16 ноября 2021 г. № 1946 и указу Президента РФ от 2 мая 2014 г. № 296
 Fig. 1. Zoning of the Russian North and the Arctic. Compiled by the Decree of the Government of the Russian Federation of November 16, 2021 No. 1946 and the Decree of the President of the Russian Federation of May 02, 2014 No. 296

Развитие нефтедобычи ведет к сокращению земель для оленеводства и загрязнению рек, изменению маршрутов миграции животных. При этом коренные жители оказываются исключенными из процесса извлечения и распределения нефтяной ренты. Нефтяная экспансия делает невозможным сохранение прежнего образа жизни коренных жителей и меняет их культуру. Коренные народы вынуждены приспосабливаться к нефтяной идеологии [12, с. 71]. Основная причина (природа) противоречий заключается в распределении нефтяных доходов [13, с. 89]. Конфликт интересов связан и с тем, что представители нефтяного и газового бизнеса считают, что «коренные жители живут на земле компании, что компания оформила лицензию, а оназало, что на этой территории кочуют оленеводы» [14, с. 132—133].

Конфликт интересов территорий был заложен в 1930—1950-х годах при делении Севера России на Крайний Север и местности, приравненные к районам Крайнего Севера. Такое деление привело к конфликту интересов жителей «Крайнего Севера» и населения «приравненных местностей», поскольку им предоставлялись разные районные коэффициенты и северные надбавки, устанавливались разные цены на продукты питания. У руководства регионов

возникал нездоровый интерес к повышению «степени северности», а сегодня — «арктичности» своих территорий.

После распада СССР положение северных регионов не улучшилось. Массово закрывались предприятия, росла безработица, население покидало Север. В начале 1990-х годов велись дискуссии о перенаселенности Севера³ и о том, что надо сворачивать сеть постоянных поселений и шире использовать вахтовый метод. В начале 2000-х годов возникли обоснованные опасения, что «готовый идти на Север капитал, в том числе и казенный, имеет только одну цель: взять все что можно по максимуму с минимальными издержками на обустройство северных территорий». Другой угрозой стало то, что в активах ресурсоэксплуатирующих компаний стали преобладать иностранные инвестиции, в результате добавленная стоимость может уплыть за границу России, что является «серьезным вызовом для сохранения российского суверенитета» [15, с. 142].

Выделение Арктической зоны Российской Федерации и придание ей особого статуса усилило территориальные конфликты между территориями, во-

³ В начале 1990-х годов по разным оценкам избыточное население российского Севера составляло от 20% до 40%.

Таблица 1. Анализ стратегических документов федерального и регионального уровней применительно к северным и арктическим территориям

Документы	Период принятия	Количество анализируемых документов	Частота встречаемости на 1 млн слов, ед.	
			«Арктика»/«арктический»	«Север»/«северный»
Федеральные стратегии	2006—2014 гг.	11	383	1 467
	2015—2021 гг.	12	447	467
Стратегии регионов Арктики	2008—2014 гг.	9	897	1 748
	2015—2021 гг.	6	1 135	1 441
Арктическое законодательство	2008—2021 гг.	8	24 838	2 967

Источник: справочная правовая система «КонсультантПлюс».

шедшими в Арктическую зону и по-прежнему оставшимися лишь «северными». Конфликт интересов или разные возможности развития возникли и внутри отдельных субъектов (республики Карелия, Коми и Саха (Якутия), Красноярский край, Архангельская и Тюменская области), где в Арктику вошла часть территорий. Сегодня можно выделить уже сложившиеся различия между Севером и Арктикой:

- В экономике Арктики чаще представлены крупные корпорации, чем на Севере; в структуре инвестиций арктических регионов доминируют собственные средства предприятий, в районах Севера институциональная структура инвестиций более дисперсная, не такая концентрированно-корпоративная, как в Арктике.
- В системе расселения Арктики представлены крупные, средние и малые промышленные города и монопрофильные поселки, стационарные и вахтовые; на Севере более многочисленны агропромышленные села, административные районные центры и сервисные поселки; арктическая система расселения по сравнению с северной в целом более городская, более концентрированная, более промышленная и менее стационарная.
- Если разговоры о перенаселенности северных территорий и необходимости «разгрузить» уже созданную здесь сеть населенных мест, о необходимости перехода к вахтовой модели освоения имеют под собой определенную почву, то в российской Арктике это несет определенные риски из-за еще меньшего числа постоянных поселений. Опустынивание этих пространств, давно и прочно заселенных, угрожает подрывом российского суверенитета, утратой и без того слабого инфраструктурного и социального потенциала Арктики [16, с. 284, 286].

Нормативно-правовое сопровождение развития Арктики и игнорирование российского Севера с 2000-х годов также создало почву для конфликта интересов. В советский и постсоветский периоды был принят целый ряд стратегических и программных документов по развитию северных и арктических территорий. Например, Т. В. Ускова и С. А. Кожевни-

ков отмечают, что с 1920 по 1989 гг. было принято 4 документа, а в последующие годы — 9 [13, с. 102]. С выделением Арктики все изменилось. По данным Б. Н. Порфирьева и В. Н. Лексина, только за четыре первых года (с 2014 г.) правовое пространство АЗРФ включало более 500 указов Президента РФ и федеральных законов, более сотни постановлений и распоряжений Правительства РФ [17, с. 1125]. Многие исследователи фиксируют, что обзор нормативно-правовых документов (НПД) показал смещение интереса государства от северных к арктическим территориям. Так, с 2014 г. все программы развития и НПД преимущественно касались АЗРФ.

Чтобы оценить, насколько сместился акцент с северной на арктическую проблематику в нормативно-правовых актах, авторы провели частотный анализ текстов опубликованных документов. Анализировались документы стратегического планирования федерального и регионального уровней (23 и 15 документов соответственно). В число федеральных документов вошли стратегии развития различных отраслей (транспорта, энергетики, науки, культуры); стратегии пространственного развития, национальной, экономической и экологической безопасности, национальной политики, информационного общества, развития сельских территорий; концепции долгосрочного социально-экономического развития, демографической и миграционной политики, стратегии федеральных округов; указы о национальных целях и задачах. Региональные документы составили 15 стратегий социально-экономического развития арктических регионов. Для сравнения анализировались также нормативно-правовые акты, направленные непосредственно на развитие российской Арктики (8 документов).

На языке программирования Julia с применением пакета анализа текстов StringAnalysis.jl реализован алгоритм, который позволил оценить частоту употребления слов «Север», «Арктика» и однокоренных с ними слов до и после 2014 г. По всем группам документов возросла частота употребления слова «Арктика» и снизилась частота слова «Север», что

Таблица 2. Основные социально-экономические показатели северных и арктических территорий России, 2020 г.

Показатель	Единица измерения	Арктика	Север России	Российская Федерация
Площадь территории	тыс. км ²	4 769,5	11 810,9	17 125,2
	% от РФ	27,9	69,0	100,0
Число городских округов и муниципальных районов	ед.	66	294	2 341
	% от РФ	2,8	12,6	100,0
Численность населения на начало года	человек	2 431 518	9 858 531	146 748 590
	% от РФ	1,7	6,7	100,0
Валовой региональный продукт, 2019 г.	трлн руб.	5,1	13,3 *	94,83
	% от РФ	6,0	14,0 *	100,0

* Учитываются только 13 субъектов, входящих в российский Север.

Источники: База данных показателей муниципальных образований Росстата, статистический бюллетень «Численность населения Российской Федерации по муниципальным образованиям» и статистическая информация о социально-экономическом развитии АЗРФ Росстата (https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/arc_zona.html).

свидетельствует о повышении интереса к арктической проблематике (табл. 1).

Еще более показательное сравнение разных стратегий одних и тех же регионов, принятых до и после выделения Арктической зоны. Так, в Республике Коми стратегия до 2020 г. содержала всего 5 упоминаний Арктики, а в стратегии до 2035 г. — 102 упоминания. В стратегиях Ямало-Ненецкого АО число упоминаний возросло с 44 до 76, Карелии — с 6 до 19, Красноярского края — с 5 до 15. Это свидетельствует о том, что у руководителей региональных органов власти повысилось желание придать своим регионам арктический статус, встроить их развитие в федеральную арктическую повестку.

Северные и арктические территории в экономическом пространстве России. Структуризация российских северных территорий достаточно сложна, и в обыденном сознании грань между арктическими территориями, Заполярьем, Приполярьем и Крайним Севером в составе северного пространства России весьма зыбка [18]. В настоящее время многие регионы Севера России имеют разное сочетание территорий, входящих в их состав, что создает определенные методические сложности при статистическом анализе, а также восприятию приводимой информации. Например, Республика Коми полностью входит в районы Крайнего Севера и местности, приравненные к ним, в то же время заполярная Воркута одновременно относится и к российской Арктике. Есть регионы, которые входят полностью в российский Север и Арктику: Мурманская область, Ненецкий, Чукотский и Ямало-Ненецкий автономные округа (АО).

В особом ряду стоит Красноярский край. Его площадь составляет 2366,8 тыс. км², что делает его третьей по величине административно-территориальной единицей в мире после Якутии и Западной

Австралии. Красноярский край включает 61 муниципальное образование (МО) первого уровня, из которых только 11 относятся к районам Крайнего Севера и местностям, приравненным к ним, а 3 входят в АЗРФ — Норильск, Таймырский Долгано-Ненецкий и Туруханский муниципальные районы. Чтобы вычислить показатели по арктической части России, необходима полная статистика по муниципальным образованиям. Границы Севера России уходят далеко на юг, так, Пермский край, имеющий северные территории (Коми-Пермяцкий округ), входит в Поволжский федеральный округ.

В экономическом отношении следует обратить внимание на то, что субъекты, вошедшие полностью или частично в АЗРФ, значительно различаются по развитию и наличию научного и технологического потенциала [19]. Мурманская область, города Архангельск и Северодвинск имеют базу для научных исследований и выполнения геологоразведочных работ, образовательные учреждения, готовящие специалистов для работы в Арктике, и развитую производственную инфраструктуру для обслуживания Северного морского пути. Экономически и финансово самодостаточны (устойчивы) нефтегазодобывающие Ненецкий и Ямало-Ненецкий АО, а на арктических территориях республик Коми, Карелии и Саха (Якутия) происходит закрытие предприятий, организаций и поселков при них [20, с. 120]. Следовательно, и внутри этих субъектов возможен конфликт интересов за доступ к ресурсам. Существуют региональные диспропорции между «богатыми» арктическими территориями, к которым, например, относится Ямало-Ненецкий АО, и более бедными (Республика Карелия) [21, с. 28]. Общее представление о Севере и Арктике дает табл. 2.

Результаты исследования и их обсуждение

Демографическое развитие северных и арктических территорий. Оценить влияние «конфликта интересов» на развитие территорий можно по демографической динамике четырех групп территорий с 1989 по 2020 гг.⁴:

- Север России включает: российский Север, территории субъектов, которые отнесены к Северу России частично, и АЗРФ;
- Арктическая зона Российской Федерации состоит из 8 субъектов российского Севера, входящих в Арктику полностью или частично, два муниципальных района и один городской округ из территорий, относимых к северным частично;
- российский Север имеет в составе 13 регионов, полностью отнесенных к районам Крайнего Севера и местностям, приравненным к ним, из которых 4 субъекта входят в Арктику полностью и 4 частично, а 5 регионов не являются арктическими;
- территории субъектов, относимых к Северу России частично, включают две республики, пять краев и четыре области.

На начало 2020 г. численность населения *Севера России*, включающего 24 субъекта, составила 9858,5 тыс. человек, что на 2949,3 тыс. человек меньше, чем было в 1989 г. Наиболее быстро убыль населения происходила в 1989—2014 гг.: 110,7 тыс. человек в среднем за год, в 2014—2020 гг. среднегодовые потери сократились до 30,1 тыс. Это привело к тому, что численность населения в 2020 г. составила к численности населения 1989 г. 77,0%. В структуре убыли населения на АЗРФ пришлось 37,5%, в то время как ее доля в численности населения варьировала от 27,6% до 24,7%.

Население *Арктической зоны России* с 1989 по 2020 гг. уменьшилось с 3537,4 тыс. до 2431,5 тыс. человек, потери составили 1105,9 тыс., или 35,7 тыс. человек в среднем за год, в том числе до арктического периода эти потери составляли 41,9 тыс., а в арктический период — 9,8 тыс. человек в среднем за год. Население АЗРФ в 2020 г. составило 68,7% численности населения 1989 г., в том числе арктические из состава территорий, относимых к северным частично, — 60,5%, полностью арктические — 73,5% и частично арктические — 64,2% (территории, не вошедшие в арктические, — 80,1%). Можно констатировать, что АЗРФ теряла население более быстрыми темпами, чем другие северные территории.

Численность населения *российского Севера*, включающего 13 субъектов, составила на 1 января 2020 г. 7822,7 тыс. человек, уменьшение по отношению к 1989 г. составило 1870,2 тыс., в том числе арктическая часть уменьшилась на 955,8 тыс., а неарктическая — на 914,4 тыс. человек. Убыль

населения произошла в основном в период с 1989 по 2014 гг., соответственно 1808,3 тыс., 895,8 тыс. и 912,5 тыс. человек. В последующие годы убыль населения существенно сократилась. С 2014 по 2020 гг. уменьшение составило 61,9 тыс., в том числе российская Арктика на 60,0 тыс. и неарктические территории на 1,9 тыс. человек. Соотношение арктических и неарктических территорий на российском Севере в 1989 г. составляло 32,6% к 67,4%, в 2020 г. арктическая часть уменьшилась до 28,1%, а неарктическая увеличилась до 71,9%.

Население 11 субъектов, *территории которых отнесены к Северу России частично*, уменьшилось за 31 год на 1079,1 тыс. человек, в том числе арктическая часть — на 150,1 тыс. и неарктическая — на 929,0 тыс. Основные потери населения также пришлось на 1989—2014 гг. — 960,4 тыс. человек, в том числе в арктической части — 151,0 тыс., в неарктических территориях — 809,4 тыс. человек. На фоне общей убыли населения территории Арктики имели прирост населения в 2014—2020 гг. в размере 918 человек (табл. 3).

Динамика численности населения северных и арктических территорий имеет разную «скорость» роста/убыли населения. В целом по Северу России и его составным частям она была рассмотрена выше, здесь основной акцент сделаем на субъектах, имеющих разные доли северности и арктичности. Так, полностью арктические территории теряли население с 1989 по 2020 гг. медленнее, чем арктическая часть Севера России и российского Севера, соответственно 73,5%, 68,7% и 69,7%.

Среди субъектов *полностью арктических* больше всего потерял население Чукотский АО, в то время как Ямало-Ненецкий АО имел положительный прирост населения — 10,0%. Среди *частично арктических* на первом месте по убыли населения в относительных цифрах стоит Республика Коми, за ней следуют Архангельская область (без Ненецкого АО) и Республика Карелия, незначительные потери населения имела Республика Саха (Якутия). Меньше всего потеряли население *неарктические территории* (93,0%), где среди субъектов худшую динамику имела Магаданская область (35,8%), а лучшую — Ханты-Мансийский АО (130,6%).

В целом можно заключить, что арктические территории Севера России, российского Севера, частично арктических и арктических регионов, частично относимых к Северу, теряли население интенсивнее, чем в целом по группе территорий: 68,7% и 77,0%, 69,7% и 80,7%, 64,2% и 75,2%, 60,5% и 65,4% соответственно. Результатом этой тенденции может быть отток населения с арктических территорий из-за внедрения новейших технологий, не требующих большого числа работников, а также применение вахтового метода [22].

Для наглядности и лучшего понимания динамики численности населения северных и арктических регионов построен их рейтинг по выделенным группам и временным периодам (табл. 4).

⁴ Авторы в своих работах используют словосочетание «российский Север», когда речь идет о 13 северных регионах, и «Север России», когда рассматриваются все 24 северных субъекта.

Таблица 3. Численность населения Севера России и Арктики, 1989, 2014, 2020 гг.

Территории	1989 г.		2014 г.		2020 г.		2020 г. к 1989 г., %	
	Всего, тыс. человек	В том числе АЗРФ	Всего, тыс. человек	В том числе АЗРФ	Всего, тыс. человек	В том числе АЗРФ	Всего	В том числе АЗРФ
Север России:	12 807,8	3 537,4	10 039,1	2 490,6	9 858,5	2 431,5	77,0	68,7
Российский Север	9 692,9	3 157,9	7 884,6	2 262,1	7 822,7	2 202,1	80,7	69,7
В том числе полностью арктические регионы:	1 877,3	1 877,3	1 404,3	1 404,3	1 380,2	1 380,2	73,5	73,5
Мурманская область	1 164,6	1 164,6	771,1	771,1	741,4	741,4	63,7	63,7
Ненецкий АО	53,9	53,9	43,0	43,0	44,1	44,1	81,8	81,8
Чукотский АО	163,9	163,9	50,5	50,5	50,3	50,3	30,7	30,7
Ямало-Ненецкий АО	494,9	494,9	539,7	539,7	544,4	544,4	110,0	110,0
В том числе частично арктические регионы:	4 650,8	1 280,6	3 610,1	857,8	3 499,0	821,9	75,2	64,2
Республика Карелия	790,1	82,1	634,4	47,0	614,1	40,5	77,7	49,3
Республика Коми	1 250,8	218,4	872,1	84,7	820,5	73,1	65,6	33,5
Республика Саха (Якутия)	1 094,1	149,7	954,8	69,4	972,0	67,7	88,8	45,2
Архангельская область без Ненецкого АО	1 515,8	830,4	1 148,8	656,7	1 092,4	640,6	72,1	77,1
В том числе неарктические регионы:	3 164,8	—	2 870,2	—	2 943,5	—	93,0	—
Республика Тыва	308,6	—	311,8	—	327,4	—	106,1	—
Камчатский край	471,9	—	319,9	—	313,0	—	66,3	—
Магаданская область	391,7	—	150,3	—	140,1	—	35,8	—
Сахалинская область	710,2	—	491,0	—	488,3	—	68,8	—
Ханты-Мансийский АО — Югра	1 282,4	—	1 597,2	—	1 674,7	—	130,6	—
Территории регионов, относимых к северным частично	3 114,9	379,5	2 154,5	228,5	2 035,8	229,4	65,4	60,5
В том числе Красноярский край	675,5	379,5	448,1	228,5	437,7	229,4	64,8	60,5

Источники: Переписи населения Российской Империи, СССР, 15 новых независимых государств // Демоскоп Weekly. — URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/census.php>; Численность населения Российской Федерации по муниципальным образованиям: Бюллетень. — URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13282>.

Таблица 4. Рейтинг северных и арктических регионов России по изменению численности населения, группам и временным периодам 1989—2014, 2014—2020 гг.

Ранг	Изменение численности, 1989—2014 гг., %		Изменение численности, 2014—2020 гг., %		Изменение ранга
	Регион	%	Регион	%	
1	Ханты-Мансийский АО — Югра	24,6	Республика Тыва	5,0	+2
2	Ямало-Ненецкий АО	9,1	Ханты-Мансийский АО — Югра	4,8	-1
3	Республика Тыва	1,0	Ненецкий АО	2,5	+3
4	Республика Саха	-12,7	Республика Саха	1,8	0

Ранг	Изменение численности, 1989—2014 гг., %		Изменение численности, 2014—2020 гг., %		Изменение ранга
	Регион	%	Регион	%	
5	Республика Карелия	-19,7	Ямало-Ненецкий АО	0,9	-3
6	Ненецкий АО	-20,2	Чукотский АО	-0,5	+8
7	Архангельская область без Ненецкого АО	-24,2	Сахалинская область	-0,6	+2
8	Республика Коми	-30,3	Камчатский край	-2,1	+2
9	Сахалинская область	-30,9	Красноярский край	-2,3	+3
10	Камчатский край	-32,2	Республика Карелия	-3,2	-5
11	Мурманская область	-33,8	Мурманская область	-3,8	0
12	Красноярский край	-33,7	Архангельская область без Ненецкого АО	-4,9	-5
13	Магаданская область	-61,6	Республика Коми	-5,9	-5
14	Чукотский АО	-69,2	Магаданская область	-6,8	-1

Примечание. Синим цветом обозначены полностью арктические регионы, желтым — частично арктические, зеленым — неарктические.

Источники: Переписи населения Российской Империи, СССР, 15 новых независимых государств // Демоскоп Weekly. — URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/census.php>; Численность населения Российской Федерации по муниципальным образованиям: Бюллетень. — URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13282>.

Из четырех регионов, которые входят в Арктику полностью, только у Ямало-Ненецкого АО после 2014 г. ухудшилась позиция по динамике численности населения. Чукотский АО поднялся на 8 позиций, Ненецкий АО — на 3. В то же время у трех из пяти частично арктических регионов место в рейтинге ухудшилось (республики Карелия и Коми, Архангельская область). Среди неарктических северных регионов изменения позиций были незначительными (в пределах двух строк рейтинга).

Заключение

Проведенный анализ территориальной организации Севера и Арктики, нормативно-правового обеспечения их развития, сложившихся взаимоотношений между коренным и старожильческим населением и ресурсными компаниями позволил сделать ряд выводов и обобщений.

1. В территориально-отраслевом плане существуют следующие виды конфликтов: между северными и арктическими регионами и регионами, расположенными за их пределами; между арктическими и неарктическими регионами Севера России за доступ к материальным, финансовым и человеческим ресурсам; между коренными и малочисленными народами Севера и ресурсными компаниями за право владения земельными ресурсами, за участие в распределении доходов; между коренным и старожильческим населением и мигрантами (пришлым

населением) по уровню и набору предоставляемых преференций.

2. Несмотря на все усилия Правительства России по переходу экономики страны от доминирования в структуре ВВП отраслей ТЭК на альтернативный/инновационный путь развития, в «Энергетической стратегии России на период до 2030 года» отмечается, что ответом на внешние вызовы/угрозы является обеспечение «вклада энергетического сектора страны в повышение эффективности ее внешнеэкономической деятельности и усиление позиций России в мировой экономической системе»⁵. То есть опять ставка делается на добычу энергоресурсов, расположенных на Севере и в АЗРФ. Конфликт доступа к сырьевым ресурсам и получения сверхдоходов сохранится.

3. Анализ нормативно-правовой базы показал, что практически во всех стратегических документах произошло смещение государственного и корпоративного интереса с северных территорий на арктические. В функции преобразованного в 2019 г. Министерства Российской Федерации по развитию Дальнего Востока и Арктики не входит координация развития всего Севера, а только его дальневосточ-

⁵ Распоряжение Правительства Российской Федерации «Об Энергетической стратегии России на период до 2030 года» от 13 ноября 2009 г. № 1715-р. — URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/96681>.

ных и арктических частей. Следует обратить внимание на то, что законодательная база до 2014 г. поддерживала экономическое развитие Севера России, включая арктические территории [23; 24]. Районирование территорий Севера и Арктики прошло сложный путь, несет в себе много противоречий. Фактически оно не завершено и сегодня, так как региональные власти не прекращают попытки увеличить «северность» и «арктичность» своих территорий.

4. Демографическая динамика во всех группах территорий разнонаправленна. При этом половина регионов, полностью арктических, улучшили свои позиции в рейтинге северных регионов по приросту численности населения. Если до 2014 г. население Арктики убывало на 8 процентных пунктов (п. п.) быстрее, чем на Севере России, то после 2014 г. — на 0,6 п. п., что показывает результативность протекционизма их опережающего развития. Таким образом, демографическая стабильность арктических территорий увеличилась. В подтверждение отмеченной тенденции можно привести результаты исследования по демографической устойчивости северных и арктических регионов, которое продемонстрировало более высокую демографическую устойчивость полностью арктических регионов [25].

Статья подготовлена в рамках НИР «Человеческие ресурсы северных регионов России: потенциал развития или ограничение экономического роста» (№ ГР 122012700169-9, 2022-2024 гг.) и программы BR10965247 «Исследование факторов, особенностей и динамики демографических процессов, миграции, урбанизации в Казахстане, разработка цифровых карт и прогнозов».

Авторы выражают признательность Екатерине Чупровой за помощь в подготовке рукописи к печати.

Литература

1. Пилисов А. Н. Российский Арктический фронт: парадоксы развития // Регион: экономика и социология. — 2015. — № 3 (87). — С. 3—36. — DOI: 10.15372/REG20150901.
2. Бондарева Н. Н. Технологическая конкуренция между арктическими государствами с учетом вызовов и угроз освоения Арктики (на примере корпоративного уровня стран ЕС) // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). — 2018. — Т. 9, № 2. — С. 288—301. — DOI: 10.18184/2079-4665.2018.9.2.288-301.
3. Фаузер В. В., Лыткина Т. С., Фаузер Г. Н. Государственные преференции для населения отдаленных и северных территорий России // Арктика и Север. — 2017. — № 9. — С. 90—127. — DOI: 10.17238/issn2221-2698.2017.29.90.
4. Беневоленская З. Э. Политическая поляризация «Север-Юг» и правовые проблемы реформы управления государственным имуществом в России // Власть закона. — 2013. — № 3 (15). — С. 44—64.
5. Михайлов А. С., Горочная В. В., Хвалей Д. В., Гуменюк И. С. Специфика инновационного развития

- приморских регионов России: дивергенция севера и юга // Балтийский регион. — 2020. — Т. 12, № 3. — С. 105—126. — DOI: 10.5922/2079-8555-2020-3-7.
6. Агранат Г. А. Российский Север: противоречия и надежды // ЭКО. — 2000. — № 1. — С. 48—67.
7. Демографические и миграционные процессы на Российском Севере: 1980—2000 гг. / Отв. ред. д-р экон. наук, профессор В. В. Фаузер. — Сыктывкар: Изд-во СГУ им. Питирима Сорокина, 2016. — 168 с. (Б-ка демографа; вып. 18).
8. Лыткина Т. С., Смирнов А. В. Российский Север в условиях глобальной нелиберальной политики: преодоление пространственного неравенства или вытеснение? // Мир России. — 2019. — Т. 28, № 3. — С. 27—47. — DOI: 10.17323/1811-038X-2019-28-3-27-47.
9. Гинс Г. К. Переселение и колонизация. — Вып. 2: Земельная политика в колониях. — СПб.: Тип. Ф. Вайсберга и П. Гершунина, 1913. — 65 с.
10. Этнонациональные процессы в Арктике: тенденции, проблемы и перспективы / Под общ. ред. Н. К. Харлампьевой. — Архангельск: САФУ, 2017. — 325 с.
11. Ханназаров С. Х. К вопросу о взаимодействии коренных народов Севера и промышленных компаний на примере Югры // Арктика и Север. — 2018. — № 30. — С. 120—133. — DOI: 10.17238/issn2221-2698.2018.30.120.
12. Тулаева С. А., Тысячнюк М. С. Между нефтью и оленями. О распределении благ между нефтяниками и коренными народами в российской Арктике и Субарктике // Экон. социология. — 2017. — Т. 18, № 3. — С. 70—96.
13. Экономика современной Арктики: в основе успешности эффективное взаимодействие и управление интегральными рисками: Монография / Под науч. ред. В. А. Крюкова, Т. П. Скуфьиной, Е. А. Корчак. — Апатиты: ФИЦ КНЦ РАН, 2020. — 245 с.
14. Новикова Н. И. Нефть, газ, коренные народы: кто напишет правила? // Вестн. угроведения. — 2016. — № 3 (26). — С. 124—137.
15. Малов В. Ю., Тарасова О. В. Север против юга: ресурсы наши — прибыль ваша? // Интерэкспо. — 2012. — Т. 1, № 3. — С. 139—148.
16. Пилисов А. Н. Суверенитет как экономико-географический феномен (на примере трендов развития Арктической зоны РФ) // Вестн. СПб. ун-та. Науки о Земле. — 2017. — Т. 62, № 3. — С. 280—299. — DOI: 10.21638/11701/spbu07.2017.305.
17. Лексин В. Н., Порфирьев Б. Н. Российская Арктика сегодня: содержательные новации и правовые коллизии // Экономика региона. — 2018. — Т. 14, вып. 4. — С. 1117—1130. — DOI: 10.17059/2018-4-5.
18. Городецкий А. Е., Иванов В. В., Филин Б. Н. Правовые и методические проблемы стратегического планирования развития арктических регионов России // Арктика: экология и экономика. — 2014. — № 4 (16). — С. 4—13.
19. Фаузер В. В., Лыткина Т. С., Смирнов А. В. Дифференциация арктических территорий по степени заселенности и экономической освоенности // Арктика:

экология и экономика. — 2017. — № 4 (28). — С. 18—31. — DOI: 10.25283/2223-4594-2017-4-18-31.
20. Волгин Н. А., Широкова Л. Н., Мосина Л. Л. Российская Арктика: социально-трудовые и демографические особенности развития // Соц.-трудовые исслед. — 2019. — № 1. — С. 117—133.
21. Елисеев Д. О., Наумова Ю. В. Программно-целевое управление экономическим развитием Арктики // Федерализм. — 2018. — № 4. — С. 24—36.
22. Фаузер В. В., Смирнов А. В. Миграции населения российской Арктики: модели, маршруты, результаты // Арктика: экология и экономика.

— 2020. — № 4 (40). — С. 4—18. — DOI: 10.25283/2223-4594-2020-4-4-18.
23. Иванов А. И. Льготы для работников Севера. — М.: Юрид. лит., 1991. — 143 с.
24. Халдеева Н. В. Трудовые отношения в районах Крайнего Севера: теория и практика правового регулирования: Дис. ... д-ра юрид. наук. — М., 2014. — 448 с.
25. Фаузер В. В., Лыткина Т. С., Смирнов А. В. Устойчивое развитие северных регионов: демографическое измерение // Экономика региона. — 2018. — № 4. — С. 1370—1382. — DOI: 10.17059/2018-4-24.

Информация об авторах

Фаузер Виктор Вильгельмович, доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник, лаборатория демографии и социального управления, Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера ФИЦ Коми НЦ УрО РАН (167982, Россия, Республика Коми, ГСП-2, Сыктывкар, Коммунистическая ул., д. 26), e-mail: fauzer.viktor@yandex.ru; http://vvfauzer.ru.

Смирнов Андрей Владимирович, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, лаборатория демографии и социального управления, Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера ФИЦ Коми НЦ УрО РАН (167982, Россия, Республика Коми, ГСП-2, Сыктывкар, Коммунистическая ул., д. 26), e-mail: av.smirnov.ru@gmail.com.

Лыткина Татьяна Степановна, кандидат социологических наук, старший научный сотрудник, лаборатория демографии и социального управления, Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера ФИЦ Коми НЦ УрО РАН (167982, Россия, Республика Коми, ГСП-2, Сыктывкар, Коммунистическая ул., д. 26), e-mail: tlytkina@yandex.ru.

Фаузер Галина Николаевна, научный сотрудник, лаборатория демографии и социального управления, Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера ФИЦ Коми НЦ УрО РАН (167982, Россия, Республика Коми, ГСП-2, Сыктывкар, Коммунистическая ул., д. 26), e-mail: gfauzer@iespn.komisc.ru.

Библиографическое описание данной статьи

Фаузер В. В., Смирнов А. В., Лыткина Т. С., Фаузер Г. Н. Вызовы и противоречия в развитии Севера и Арктики: демографическое измерение // Арктика: экология и экономика. — 2022. — Т. 12, № 1. — С. 111—122. — DOI: 10.25283/2223-4594-2022-1-111-122.

CHALLENGES AND CONTRADICTIONS IN THE DEVELOPMENT OF THE NORTH AND THE ARCTIC: DEMOGRAPHIC DIMENSION

Fauzer, V. V., Smirnov, A. V., Lytkina, T. S., Fauzer, G. N.

Institute for Socio-Economic and Energy Problems of the North, Federal Research Centre “Komi Science Centre of the Ural Branch of the RAS” (Syktывkar, Komi Republic, Russian Federation)

The article was received on August 18, 2021

Abstract

The North and the Arctic have been in the focus of attention of the Russian statehood for more than one century. The North and the Arctic have been in the focus of attention of the Russian statehood for more than one century. They received special attention, provided socio-economic preferences. The North of Russia had a devel-

opment strategy, a unified legislative base, while the Arctic as part of the North was mostly a transport artery and protective borders of Russia. The situation changed after the separation of the Arctic territories from the North. Since 2014, most of the strategic documents concerned the Arctic, and least of all the northern territories. Artificial competition aroused between the regions for access to material, financial and human resources. The paper identifies the following types of conflicts: between the northern and arctic regions and regions located outside of them; between the Arctic and non-Arctic regions of the Russian North; between indigenous and small-numbered peoples of the North and resource companies; between the indigenous and old-time population and migrants (newcomers). The authors outline that the allocation of the Arctic territories also determined a different development vector of the Arctic and the North of Russia. The economy of the Arctic more often represent large corporations, and own funds of enterprises dominate in the structure of investments in the Arctic regions; in the regions of the North, the structure of investments is more dispersed, less concentrated and corporate. The Arctic settlement system includes large, medium and small industrial cities and single-industry settlements, stationary and rotational; in the North, there are more agricultural villages, administrative regional centers and service settlements. The Arctic settlement system, in comparison with the northern one, is generally urban, more concentrated, more industrial and less settled. The viewpoint on the overpopulation of territories and the need to “unload” the network of settlements already created here, on the need for a total transition to a rotational model of development has more grounds in the North than in the Arctic.

Keywords: Russian North, Arctic, vector of development, strategies, conflict of interests, preferences.

This research has been funded by the Science Committee of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan (Grant No. BR10965247).

The authors are grateful to thank Ekaterina Chuprova for her help in preparing the manuscript for publication.

References

1. Pelyasov A. N. Russian Arctic frontier: paradoxes of development. Region: ekonomika i sotsiologiya, 2015, no. 3 (87), pp. 3—36. DOI: 10.15372/REG20150901. (In Russian).
2. Bondareva N. N. Technological Competition Among the Arctic Countries with the Consideration of Challenges and Threats of Arctic Exploration (on the basis of the EU corporative level). MIR (Modernizatsiya. Innovatsii. Razvitie), 2018, vol. 9, no. 2, pp. 288—301. DOI: 10.18184/2079-4665.2018.9.2.288-301. (In Russian).
3. Fauzer V. V., Lytkina T. S., Fauzer G. N. State preferences for the people in remote and northern territories of Russia. Arktika i Sever, 2017, no. 29, pp. 90—127. DOI: 10.17238/issn2221-2698.2017.29.90. (In Russian).
4. Benevolenskaya Z. E. Political polarization “North-South” and legal reform issues of state property management in Russia. Vlast’ zakona, 2013, no. 3 (15), pp. 44—64. (In Russian).
5. Mikhaylov A. S., Gorochnaya V. V., Hvalev D. V., Gumenyuk I. S. Innovative development of Russian coastal regions: north–south divergence. Baltiiskii region, 2020, vol. 12, no. 3, pp. 105—126. DOI: 10.5922/2079-8555-2020-3-7. (In Russian).
6. Agranat G. A. Russian North: Contradictions and Hopes. EKO, 2000, no. 1, pp. 48—67. (In Russian).
7. Demographic and migration processes in the Russian North: 1980-2000. Fauzer V. V. (ed.). Syktyvkar, Izd-vo SGU im. Pitirima Sorokina, 2016, 168 p. (In Russian).
8. Lytkina T. S., Smirnov A. V. Russian North in the Context of Global Neoliberal Politics: Overcoming Spatial Inequality or Expulsion? Mir Rossii, 2019, vol. 28, no. 3, pp. 27—47. DOI: 10.17323/1811-038X-2019-28-3-27-47. (In Russian).
9. Gins G. K. Resettlement and Colonization. Iss. 2: Land policy in the colonies. St. Petersburg, Tip. F. Vajsb erga i P. Gershunina, 1913, 65 p. (In Russian).
10. Ethno-national processes in the Arctic: trends, problems and prospects. Kharlampieva N. K. (ed). Arkhangelsk, SAFU, 2017, 325 p. (In Russian).
11. Khaknazarov S. Kh. On the interaction of indigenous peoples of the North and industrial companies: the case of Yugra. Arktika i Sever, 2018, no. 30, pp. 120—133. DOI: 10.17238/issn2221-2698.2018.30.120. (In Russian).
12. Tulaeva S. A., Tysiachniouk M. S. Between Oil and Deer. Benefit Sharing Arrangements between Oil Companies and Indigenous People in Russian Arctic and Subarctic Regions. Ekon. sotsiologiya, 2017, vol. 18, no 3, pp. 70—96. (In Russian).
13. The economy of the modern Arctic: the basis for the success of effective interaction and management of integral risks. Monograph. Ed. by V. A. Kryukov, T. P. Skufina, E. A. Korchak. Apatity, FITs KNTs RAN, 2020, 245 p. (In Russian).
14. Novikova N. I. Oil, gas, and indigenous people: who will write rules? Vestn. ugrovedeniya, 2016, no. 3 (26), pp. 124—137. (In Russian).
15. Malov V. Yu., Tarasova O. V. North vs. South: our resources — your profits? Interekspo, 2012, vol. 1, no. 3, pp. 139—148. (In Russian).
16. Pilyasov A. N. Sovereignty as an economical and geographic phenomenon (employing trends in the development of the Arctic zone of the Russian Federation). Vestn. SPb. un-ta. Nauki o Zemle, 2017,

vol. 62, no. 3, pp. 280—299. DOI 10.21638/11701/spbu07.2017.305. (In Russian).

17. *Leksin V. N., Porfiriev B. N.* Russian Arctic Today: Substantive Novelties and Legal Collisions. *Ekonomika regiona*, 2018, vol. 14 (4), pp. 1117—1130. DOI: 10.17059/2018-4-5. (In Russian).

18. *Gorodetskii A. E., Ivanov V. V., Filin B. N.* Legal and methodological problems of strategic planning for the development of the Arctic regions of Russia. *Arktika: ekologiya i ekonomika*. [Arctic: Ecology and Economy], 2014, no. 4 (16), pp. 4—13. (In Russian).

19. *Fauzer V. V., Lytkina T. S., Smirnov A. V.* Arctic Territories Differentiation by Density of Population and Economic Development. *Arktika: ekologiya i ekonomika*. [Arctic: Ecology and Economy], 2017, no. 4 (28), pp. 18—31. DOI: 10.25283/2223-4594-2017-4-18-31. (In Russian).

20. *Volgin N. A., Shirokova L. N., Mosina L. L.* Russian Arctic: social, labor and demographic features of de-

velopment. *Sots.-trudovye issled.*, 2019, no. 1, pp. 117—133. (In Russian).

21. *Eliseev D. O., Naumova Yu. V.* Program-targeted management of the economic development of the Arctic. *Federalizm*, 2018, no. 4, pp. 24—36. (In Russian).

22. *Fauzer V. V., Smirnov A. V.* Migration of the Russian Arctic population: models, routes, results. *Arktika: ekologiya i ekonomika*. [Arctic: Ecology and Economy], 2020, no. 4 (40), pp. 4—18. DOI: 10.25283/2223-4594-2020-4-4-18. (In Russian).

23. *Ivanov A. I.* Benefits for workers in the North. Moscow, *Yurid. lit.*, 1991, 143 p. (In Russian).

24. *Khaldeeva N. V.* Labor relations in the Far North: theory and practice of legal regulation. Dis. ... d-ra *yurid. nauk*. Moscow, 2014, 448 p. (In Russian).

25. *Fauzer V. V., Lytkina T. S., Smirnov A. V.* Sustainable Development of the Northern Regions: Population Dimension. *Ekonomika regiona*, 2018, no. 4, pp. 1370—1382. DOI: 10.17059/2018-4-24. (In Russian).

Information about the authors

Fauzer, Viktor Vilgelmovich, Doctor of Economy, Professor, Chief Researcher, Laboratory of demographic and social management, Institute for Socio-Economic and Energy Problems of the North, Federal Research Centre “Komi Science Centre of the Ural Branch of the RAS” (26, Kommunisticheskaya st., Syktyvkar, GSP-2, the Komi Republic, Russia, 167982), e-mail: fauzer.viktor@yandex.ru; <http://vvfauzer.ru>.

Smirnov, Andrey Vladimirovich, PhD of Economy, Senior Researcher, Laboratory of demographic and social management, Institute for Socio-Economic and Energy Problems of the North, Federal Research Centre “Komi Science Centre of the Ural Branch of the RAS” (26, Kommunisticheskaya st., Syktyvkar, GSP-2, the Komi Republic, Russia, 167982), e-mail: av.smirnov.ru@gmail.com.

Lytkina, Tatyana Stepanovna, PhD of Sociology, Senior Researcher, Laboratory of demographic and social management, Institute for Socio-Economic and Energy Problems of the North, Federal Research Centre “Komi Science Centre of the Ural Branch of the RAS” (26, Kommunisticheskaya st., Syktyvkar, GSP-2, the Komi Republic, Russia, 167982), e-mail: tlytkina@yandex.ru.

Fauzer, Galina Nikolaevna, Researcher, Laboratory of demographic and social management, Institute for Socio-Economic and Energy Problems of the North, Federal Research Centre “Komi Science Centre of the Ural Branch of the RAS” (26, Kommunisticheskaya st., Syktyvkar, GSP-2, the Komi Republic, Russia, 167982), e-mail: gfauzer@iespn.komisc.ru.

Bibliographic description of the article

Fauzer, V. V., Smirnov, A. V., Lytkina, T. S., Fauzer, G. N. Challenges and contradictions in the development of the North and the Arctic: demographic dimension. *Arktika: ekologiya i ekonomika*. [Arctic: Ecology and Economy], 2022, vol. 12, no. 1, pp. 111—122. DOI: 10.25283/2223-4594-2022-1-111-122. (In Russian).

© Fauzer V. V., Smirnov A. V., Lytkina T. S., Fauzer G. N., 2022